

Эволюция института фиктивного банкротства в российском дореволюционном законодательстве

ТАРАСЕНКО Юрий Александрович, старший преподаватель кафедры гражданского права, международного частного права, гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук

Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9

E-mail: tarasenkou69@mail.ru

Институт фиктивного банкротства в дореволюционном русском праве развивался по логике деления несостоятельности на форс-мажорную и виновную. Начало этому развитию было положено в нормах о торговой несостоятельности Русской Правды. Однако нормы раннего русского права еще не регулировали собственно ситуации, при которых должник укрывал имущество, умышленно создавая видимость своей несостоятельности. Задача настоящей работы проследить, на каком этапе в русском праве появляется реакция законодателя на неправомерные действия, совершаемые с целью сокрытия от кредиторов имущества и имитации форс-мажорного банкротства. Для этого автором проведен анализ норм Русской Правды, Судебника Ивана III, Соборного Уложения 1649 г., законов о банкротстве периода XVIII—XIX вв.

В результате выявлено, что норма, регулирующая фиктивную несостоятельность, впервые обнаруживается только в XVII в., в Соборном Уложении. Появление данной нормы представляет собой закономерный процесс эволюции русского права от несостоятельности виновной, произошедшей вследствие непродуманных, часто неразумных действий купца, к несостоятельности умышленной, создающей видимость банкротства. Однако данное достижение развития русского права в дальнейшем не получило развития. Начиная с XVIII в., в период проведения петровских реформ, законодательство о банкротстве, испытав сильное влияние зарубежного права, утратило норму о фиктивной несостоятельности. И только с принятием в начале XX в. Уголовного Уложения категория фиктивного банкротства вновь появилась в российском законодательстве.

Вывод: в раннефеодальном русском праве категория лжебанкротства развивалась вполне самостоятельно, поскольку какие-либо прямые аналоги в зарубежном законодательстве раннего периода Средневековья (варварских правдах, Эклоге) отсутствуют.

Ключевые слова: фиктивное банкротство, несостоятельность, лжебанкротство, форс-мажор, Русская Правда, Соборное Уложение, Судебник Ивана III, торговля.

Для цитирования: Тарасенко Ю. А. Эволюция института фиктивного банкротства в российском дореволюционном законодательстве // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 21—28. DOI: 10.12737/jrl.2020.014

Evolution of the Fictitious Bankruptcy Institute in the Russian Pre-Revolutionary Legislation

Yu. A. TARASENKO, Law Institute, Russian University of Transport, Moscow 127994, Russian Federation

E-mail: tarasenkou69@mail.ru

The fictitious bankruptcy institute in pre-revolutionary Russian law is developed in the logic of dividing insolvency into force majeure and guilty. The beginning of this development is laid in Russian Pravda in the rules on commercial insolvency. However, the norms of early Russian law hadn't yet regulated the current situation in which the debtor hid the property, deliberately creating the appearance of its insolvency. The objective of this work is to trace at what stage in Russian law the lawmaker's reaction to unlawful acts committed in order to conceal property from creditors and imitated force majeure bankruptcy appeared. For this purpose, the article analyses the norms of Russian Truth, Judicial Code of Ivan III, the Cathedral Code of 1649, bankruptcy laws of the 18th — 19th Centuries.

As a result the study reveals for the first time the norm governing fictitious insolvency found only in the 17th Century, in the Council Code. At the same time the emergence of this norm was a natural process of evolution of Russian law from the insolvency of the guilty, which occurred as a result of the ill-conceived, often unreasonable actions of the merchant, to the insolvency of the willful, creating only the appearance of bankruptcy. However, this achievement in Russian law didn't develop further. Since the 18th Century, during the period of Peter's reforms, bankruptcy legislation, which experienced the strong influence of foreign law, lost the norm of fictitious insolvency. It emerged only after its adoption at the beginning of the 20th Century. In the Criminal Code the category of fictitious bankruptcy appeared again.

The author believes that the brief coverage of the evolution of the fictitious bankruptcy institution described in this article allows one to conclude that in early feudal Russian law the category of false bankruptcy developed completely independently, since there were no direct analogues in foreign law of the early medieval period (Barbaric Truths, Eclogue).

Keywords: fictitious bankruptcy, insolvency, false bankruptcy, force majeure, Russkaya Pravda, Cathedral Code, Ivan III Code, trade.

For citation: Tarasenko Yu. A. Evolution of the Fictitious Bankruptcy Institute in the Russian Pre-Revolutionary Legislation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 2, pp. 21—28. DOI: 10.12737/jr.1.2020.014 (In Russ.)

Неспособность отвечать по своим обязательствам вследствие недостаточности имущества является оборотной (негативной) стороной процесса любой торговой деятельности. Это может быть вызвано различными причинами. Традиционно различают причины объективного характера (т. е. повлекшие разорение торгового человека вне зависимости от предпринимаемых им каких-либо действий) и субъективного (т. е. наступившие благодаря действиям лица и по его воле).

В современном отечественном праве, говоря о действиях, специально направленных на создание видимости несостоятельности, называют последние лже- или фиктивным банкротством.

Согласно административному и уголовному законодательству под фиктивным банкротством понимается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности (ст. 14.12 КоАП РФ и ст. 197 УК РФ).

Речь идет о действиях умышленных, специально направленных на создание видимости внешних при-

знаков несостоятельности. Как правило, целью фиктивного банкротства является введение в заблуждение кредиторов относительно реального состояния имущественного положения организации для последующего списания долгов посредством процедуры несостоятельности. Таким образом, компания-банкрот освобождается от необходимости возвращать долги.

Законодатель, понимая негативную сторону фиктивного банкротства лица, всегда предпринимал меры, направленные на предотвращение данного явления. Откуда берет начало фиктивное банкротство, когда оно появилось как явление в нашем правовом порядке и как законодательно регулировалось?

Одно из первых упоминаний о торговой несостоятельности мы находим в Русской Правде¹:

¹ Говоря о Русской Правде как источнике права, надо иметь в виду, что документ дошел до нашего времени в многочисленных списках и редакциях. В академической среде все имеющееся многообразие было сведено к трем редакциям: Краткая Русская Правда, Пространная Русская Правда и Сокращенная Русская Правда. В настоящей работе мы опираемся на Пространную редакцию Русской Правды.

«54. Если купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо позволить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от Бога, а он не виноват в нем. Если же купец вверенный ему товар или проплет, или проиграет, или испортит по глупости, то доверители поступают с ним, как им угодно; хотят — ждут, хотят — продадут в рабство, на то их воля»².

Как следует из приведенной нормы, закон различает случайную (форс-мажорную) несостоятельность и несостоятельность вследствие виновных (главным образом разгильдяйских) действий. К случайной относились обстоятельства, явно находившиеся вне контроля со стороны купца (кораблекрушение, пожар, ограбление). Второй вид несостоятельности целиком являлся продуктом неразумных действий купца, за что последний и подвергался ответственности. Какой-либо другой классификации причин несостоятельности в Русской Правде нет. Утаить чужой товар, представив себя подвергшимся ограблению, создать видимость случайной утраты и т. п. — таких примеров в период раннефеодальной истории России мы не встречаем.

Между тем в литературе с опорой на ст. 133 Правды высказано мнение о том, что закон тех времен знал ситуации и ложного (злонамеренного) банкротства³. Указанная точка зрения получила широкое распростра-

нение в работах современных исследователей⁴. Однако в названной норме речь идет не столько о несостоятельности утратившего товар купца, сколько о невозврате долга. И описываемая ситуация вряд ли вообще относится к торговой несостоятельности, поскольку структурно с ней не связана⁵.

Такой подход к квалификации несостоятельности действовал как минимум до конца XV в., когда закончился период феодальной раздробленности и образовалось единое централизованное Русское государство. Нормы Русской Правды во многом уже не соответствовали изменившейся обстановке. Как итог этого процесса — в 1497 г. был принят Судебник Ивана III, в котором произошла определенная коррекция подхода к торговой несостоятельности:

«55. Если какой-либо купец, отправляясь в торг, возмет у кого-нибудь (для торговых оборотов) деньги или товар, а в дороге товар у него погибнет без всякого злого умысла с его стороны: утонет или сгорит, или его захватит войско, — то боярин, произведя расследование, пусть велит дьяку великого князя дать тому (купцу) грамоту с печатью великого князя об уплате истцу в рассрочку основного капитала без процентов.

А кто у кого взявши что в торговлю, да в пути пропиет или иным каким безумием по-

невич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 55.

⁴ См.: *Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2000. С. 16; Беркович Н. В. Банкротство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 13.*

⁵ Цитируемая статья Правды вообще является дополнительной к Пространной редакции Русской Правды по Карамзинскому списку и включена гораздо позднее — примерно в конце XIII или XIV в. Иными словами, она явным образом не могла относиться именно к статье о торговой несостоятельности. См.: *Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 121—123.*

² Киевская Русь: сб. ст. / под ред. В. Н. Сто-рожева. Т. 1. 2-е изд. М., 1910. С. 581. Существует несколько переводов с древнерусского. Нами использован наиболее близкий к тексту источника перевод, сделанный В. Н. Сторожевым.

³ «Оже человек полгав коуны оу людех, а побезжит в чужую землю, веры ему не яти, как и татю» (Если человек, взяв деньги у людей и не вернув их, убежит в чужую землю, то верить ему нельзя, как и вору). *Шерше-*

губит товар свой по своей вине, и того истцу в гибели выдати головою на продажу»⁶.

Как и раньше (ст. 54 Русской Правды), купец освобождался от ответственности, если утрачивал товар в силу наступления чрезвычайных ситуаций. Однако теперь действия пострадавшего в названных чрезвычайных ситуациях рассматривались сквозь призму категории «злого умысла», для чего уточнялся механизм освобождения от ответственности — государство в лице должностных лиц расследовало обстоятельства дела и определяло причину несостоятельности. И только в случае доказанности перечисленных в законе обстоятельств должнику выдавалась так называемая полетная грамота, в которой прописывался механизм рассрочки уплаты долга.

Заметим, что в законе отсутствует какая-либо конкретизация того, на основании каких доказательств устанавливались произошедшие обстоятельства утраты товара. Вероятно, учитывая особенности ситуации (утрата происходила на чужбине), а также торговую специфику, такими доказательствами могли служить свидетельские показания других купцов или иных заслуживающих доверия свидетелей (добрых людей).

В Судебнике произошел отход от религиозного обоснования причин чрезвычайных обстоятельств. Если в Русской Правде гибель товара рассматривалась как пагуба от Бога (ст. 54), то теперь речь шла о наступлении объективных и непредотвратимых (в понимании того времени) обстоятельств. Такое изменение свидетельствует об определенном развитии русской частноправовой мысли, ее постепенном освобождении от элементов сакрализации.

Произошло определенное изменение и при установлении виновных причин утраты товара. Если предыдущее законодательство упоминало только случаи утраты товара вследствие халатных действий купца, то Судебник Ивана III уже рассматривает гибель товара через категорию виновных действий обязанного лица. Это не обязательно последствия нетрезвого состояния, азарта или иной безалаберности торговца. В расчет принимались любые виновные действия обязанного лица, в результате которых чужой товар погибал.

Таким образом, в конце XV — начале XVI в. в законодательстве, регулирующем торговую несостоятельность, появляется категория умысла и вины.

Следующий (и очень важный) этап в развитии торговой несостоятельности и, в частности, фиктивного банкротства связан с принятием Соборного Уложения царя Алексея Михайловича в 1649 г. В отличие от ранее существовавшего подхода, допускающего только несостоятельность купца, Уложение проводит разграничение между несостоятельностью общегражданской и торговой.

Обращает внимание основание возникновения общегражданской несостоятельности — невозможность исполнения обязательства, вытекающего из письменной сделки. Для торговой же несостоятельности критерии неисполнения обязательств по возврату имущества были иными, они вообще не были связаны с фактом заключения письменных сделок.

Общегражданская несостоятельность могла быть вызвана как форс-мажорными обстоятельствами, так и нерадивым поведением должника.

Новым по сравнению с ранее действовавшим подходом было установление гарантий кредиторам, которые заключались в том, что должник мог предоставить поручительство от третьего лица. Вероятно, требование в предоставлении поруч-

⁶ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV—XV вв. М., 1955. С. 357—374.

чительства было связано с тем, что в отличие от ст. 54 Русской Правды, не связывающей должника конкретными сроками, Уложение устанавливало предельный срок предоставленной отсрочки:

«203. А будет кто кому чем должен по кабалам, или по записям, или по иным каким крепостям, а заплатити будет ему того долгу вскоре не мочно, по тому, что он в убожество впал изволением Божиим от огненного запаления, или животы его какими мерами потонули, или его разбойники, или тати, или иные какие лихие, или воинские люди разорили, и животы его разграбили: и таким должником во всяких долгах давати сроку по рассмотренью на год и на два или на три, а больше трех лет в таких долгах сроку не давать; а в тех долгах имати по ним поручные записки в том, что им те долги тем людем, кому они должны, заплатить на указанные сроки, без всякаго переводу, и ни куды не сбежати, и не изменити, ни в которые в иные государства не отъехать...»

206. А будет кто у кого возмет денег в займы, или чего-нибудь для торговли, и тот долг истеряет своим безумием, пропшет, или проворует каким нибудь обычаем, а сыщется про то допряма, а окупитися ему будет нечем: и его отдати истцу головою до испуку же»⁷.

Нерадивое поведение должника, утратившего чужое имущество, являлось основанием для выдачи его кредитору без предоставления какой-либо отсрочки.

В отличие от общегражданской торговая несостоятельность в Уложении прописана более сжато. Содержательная основа статьи продолжает опираться на нормы Русской Правды (ст. 54):

«276. А будет кто учнет с кем торговати сложася, и один из них товарищ поедет куды с деньгами, или с товары для торговли в отъезд, и на дороге его воры разобьют, и товары и деньги поемлют у него без остатку, а товарищ его тех товаров и денег

своей половины учнет на нем искати судом, и с суда будет сыщется про то допряма, что его разбойники разбили и товары и деньги поймали без остатка, и товарищу его тех товаров и денег на нем править не велети по тому, что ему такое разграбление учинится по невольному случаю. А будет сыщется, что разбойники на него приезжали, а животов ничего не взяли: и тот иск на виноватом доправить и отдать истцу»⁸.

Анализ данной нормы свидетельствует о появлении определенных новелл. Во-первых, если первоначально в Русской Правде речь шла об утрате купцом заемного имущества, то в Уложении говорится о совместном объединении капиталов товарищей. Иными словами, индивидуальный торговый промысел эволюционировал в совершенно новый для русского права институт торгового товарищества. Это еще не было, конечно, полноценное товарищество. Пока законодательство не наделяло купца особыми полномочиями, отсутствовал институт долевого участия, не было ответа на вопрос, как разрешать ситуацию в случае несения частичных убытков и др. Но принцип, характерный для товариществ, уже введен в оборот.

Во-вторых, появление нового института, вероятно, повлекло изменение и в порядке привлечения к ответственности в случае утраты товара. В отличие от общегражданской несостоятельности в данном случае речь вообще не шла о предоставлении рассрочки при возврате утраченного товара. Купец, подвергшийся ограблению, полностью освобождался от ответственности.

В-третьих, в отличие от ранее существовавшего регулирования данной ситуации вопрос об ответственности утратившего имущество купца решался не боярином, а судом.

Основанием возбуждения иска служила утрата имущества от разбоя. Упомянувшиеся в предше-

⁷ Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957. С. 124—125.

⁸ Памятники русского права. Вып. 6. С. 142.

стующем законодательстве пожар, кораблекрушение (ст. 54 Русской Правды), военный захват (ст. 55 Судебника 1497 г.), разбой и бесхитростная утеря (ст. 90 Судебника 1550 г.) в качестве оснований, освобождающих от ответственности, уже не назывались.

Значит ли это, что произошло значительное сокращение форс-мажорных обстоятельств, исключающих вину торгового человека? Вероятно, нет. Скорее всего речь идет о неудачной редакторской правке при составлении Уложения, поскольку в доступных источниках нет никаких свидетельств о том, что исключение традиционных оснований, освобождающих от ответственности, являлось принципиальной позицией законодателя и каким-то образом обосновывалась (тем более что применительно к общегражданской несостоятельности (ст. 203 Уложения) все форс-мажорные обстоятельства сохранены).

Обращает на себя внимание и формула привлечения утратившего имущество купца к ответственности. Избежать наказания было возможно только когда разбойники забирали все имущество без остатка. В тех же случаях, когда отбирались только ценное имущество либо купцу удавалось отбиться от лихих людей, частично утратив при этом товар, ответственность наступала. Случай же, когда разбойники нападали, но никакого имущества не брали при этом, вообще не укладывается в смысл лихой деятельности.

Как можно объяснить указанные противоречия? Вероятно, норма о торговой несостоятельности специально отделена законодателем от общегражданской несостоятельности, поскольку направлена на урегулирование особых отношений. С учетом складывающегося института торгового товарищества, отношений долевой собственности и рискованного характера торговой деятельности законодатель устанавливает специальные правила именно для случая

утраты имущества применительно к осуществлению профессиональной торговой деятельности. И тогда странная на первый взгляд формулировка о нападении лихих людей, которые в результате никакого имущества купца не присвоили, приобретает вполне ясный смысл.

Речь идет об умышленных действиях купца по утаиванию имущества сотоварища и о попытке списания убытков на факт разбойного нападения. Возможно, имелся в виду сговор купца с лихими людьми, в результате которого факт нападения (точнее сказать — встречи) с разбойниками имел место, а товар отобран не был. И именно поэтому в случае выяснения данного обстоятельства виновное лицо выдавалось истцу.

Нетрудно заметить, что все предшествующее и проанализированное нами законодательство по данному вопросу вообще не рассматривало и, соответственно, не регулировало ситуации с умышленным утаиванием имущества.

Таким образом, первое упоминание о хитрости в процессе торгового предпринимательства в русском законодательстве обнаруживается только в Соборном Уложении, в нормах, регулирующих именно торговую несостоятельность, а не общегражданскую.

Появление нового основания представляет собой логичное развитие института торговой ответственности, поскольку появились ранее не известные отношения (в частности, объединенный торговый капитал), риск утраты которого возлагался на всех его участников, а не только на купца, непосредственно его лишившегося. Желание присвоить часть объединенного капитала, прикрывшись фактом разбойного нападения, породило ответную реакцию законодателя, пытающегося пресечь подобные попытки. Полагаем, данная норма является неким прообразом категории, известной современному гражданскому праву, — фиктивного банкротства.

Все последующее законодательство о банкротстве (Устав о банкротствах 1740 г.⁹, Устав о банкротах 1800 г., Устав о торговой несостоятельности 1832 г.¹⁰) являлось в значительной мере продуктом, испытавшим сильное влияние зарубежного права¹¹. Соответственно, оригинальная конструкция фиктивной несостоятельности, о которой шла речь выше, не получила дальнейшего развития. Несмотря на то что в новых законах законодатель последовательно придерживался традиционного деления причин несостоятельности (на неумышленное и совершенное с умыслом), категорию лжебанкротства тексты законов уже не содержали.

Так, Устав о банкротах 1740 г., говоря о виновном банкротстве, упоминает только обман и дерзость (безбоязненность, нахальство) — действия, уже приведшие лицо к несостоятельности¹². Аналогичным образом и Устав о торговой несостоятельности 1832 г., выделяя такой вид несостоятельности, как злонамеренная, указывает основания для последней — подлог и умысел в неплате долгов (п. 8).

Несмотря на то что названные деяния свидетельствуют о сокры-

тии имущества, выводе активов, рассматривать их в качестве составной части фиктивного банкротства все же нельзя. Дело в том, что подлог и умысел выявляются в процессе конкурса членами Конкурсного управления, о чем составляет заключение, содержащее квалификацию вида банкротства (ст. 106). Иными словами, в данном случае у должника нет задачи заявить ложно о себе как о банкроте, чтобы добиться списания долгов, рассрочки их исполнения. Скорее, эти действия должника свидетельствуют о признаках преднамеренного банкротства.

Норма о фиктивном банкротстве появляется в российском законодательстве только с принятием Уголовного уложения в 1903 г., где в ст. 599¹³ называлось такое деяние, как сокрытие (при объявлении несостоятельности) своего имущества умолчанием или ложным о нем показанием с целью избежать платежа долгов.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод. Категория фиктивного банкротства появилась в русском праве в ходе эволюции последнего. Об этом свидетельствует то, что каждое последующее законодательство (Русская Правда, Судебник Ивана III) последовательно развивало заложенные изначально подходы к несостоятельному торговцу, а также то, что в аналогичных законодательствах зарубежных стран (варварские правды, Эклога и т. п.) нет похожих норм.

С началом петровских реформ законодательство о несостоятельности утратило самостоятельность в развитии, поскольку за основу брались уже готовые зарубежные аналоги, которые не регулировали ситуации, связанные с созданием видимости несостоятельности. При рецепции иностранных аналогов

⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 11. Ст. 8300.

¹⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 7. Ст. 5463.

¹¹ Например, в преамбуле Устава о банкротах 1740 г. напрямую об этом указано: «...того ради учинен сей Устав, который частью с правами и обыкновениями других государств, в которых негоция расцветает, сходен, частью ж по обстоятельству дела тако потребен» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 11. Ст. 8300. С. 310).

¹² Так, согласно ст. 1 Устава «Надлежит паче всего разность учинить между таким, кто от несчастья, и таким же кто от своей вины в банкроты впал... в умалении имени своего сам виновен: понеже он либо обманно, и дерзостно поступал, и других с собою в убытки привел» (Там же).

¹³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 23. Ст. 22704. С. 259.

законов о несостоятельности составителями отечественных вариантов закона о банкротстве не учитывались ранее существовавшие в русском праве подходы. Вероятно, это могло объясняться тем, что в XVIII в., когда был принят Устав о банкротах 1740 г., реформа отечественного гражданского законодательства так и не произошла. Несмотря на несколько попыток власти предпринять разработку нового Уложения, последнее так и не было

составлено даже на уровне проекта. Действующее же Соборное Уложение 1649 г. уже давно не отвечало текущим потребностям. Думается, что разработчикам закона о несостоятельности было легче взять уже готовый зарубежный аналог (что часто и делалось), чем проводить кропотливую работу по вычленению из имевшихся устаревших законов рациональных зерен и встраивать их в систему реципируемого закона.

Библиографический список

Беркович Н. В. Банкротство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

Киевская Русь: сб. ст. / под ред. В. Н. Сторожева. Т. 1. 2-е изд. М., 1910.

Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV—XV вв. М., 1955.

Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 11. Ст. 8300; Собрание второе. Т. 7. Ст. 5463; Собрание третье. Т. 23. Ст. 22704.

Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953.

Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2000.

Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890.

References

Berkovich N. V. Bankruptcy: Criminal Law and Criminological Aspects. Cand. diss. Saratov, 2002. 206 p. (In Russ.)

Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. 11. Art. 8300; Collection II. Vol. 7. Art. 5463; Collection III. Vol. 23. Art. 22704. (In Russ.)

Khakulov M. Kh. Wrongful (deliberate and fictitious) bankruptcy. Cand. diss. Kislovodsk, 2000. 161 p. (In Russ.)

Kievan Rus. Ed. by V. N. Storozhev. Vol. 1. 2nd ed. Moscow, 1910. 664 p. (In Russ.)

Monuments of Russian law. Iss. 3. Monuments of law during the formation of the Russian centralized state. XIV — XV centuries. Moscow, 1955. 527 p. (In Russ.)

Monuments of Russian law. Iss. 6. Moscow, 1957. 503 p. (In Russ.)

Shershenevich G. F. Doctrine of insolvency. Kazan', 1890. 461 p. (In Russ.)

Tikhomirov M. N. Study Guide for Russian Truth. Moscow, 1953. 192 p. (In Russ.)

